

УДК 94(47).084.3/6

Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920–1940-е гг. * (Статья первая)

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жилищной политике советского государства в 1920–1940-е гг. В ней анализируются стратегии власти по решению жилищного вопроса, рассматриваются проекты строительства жилья и его формы, архитектурные особенности советской типовой застройки. Значительное внимание уделяется проектированию жилого пространства. Делается вывод о тесной взаимосвязи жилищной политики и представлений власти о новом быте нового человека.

Ключевые слова: жилищная политика; жилое пространство; жилищный передел; уплотнение; архитектурные проекты; бараки; коммуналка; дома-коммуны; сталинка.

Введение. По единодушному признанию специалистов, жилищная политика советской России определялась не только острым дефицитом жилья, доставшимся ей от предыдущего антинародного режима, но и «целым рядом других, в том числе идеологических факторов» [1]. Превратившись из предмета естественной необходимости в дорогостоящее социальное благо, жилье для советского человека постепенно становилось критерием его политической благонадежности и элементарного житейского здравомыслия. Именно его распределительный характер, являвшийся безошибочным индикатором классовой принадлежности обитателей многочисленных коммуналок и рабочих бараков, позволил М. Мееровичу рассматривать квадратные метры советской жилплощади предвоенного времени в качестве средства принуждения людей к труду и требуемому образу жизни [2]. «Наказание жилищем» на долгие десятилетия предопределило отношение к нему не только как к условной материальной ценности, но и пространству «полупубличной жизни», где парадоксальным образом сталкивались интересы коллектива и индивидуальные представления о нормах и аномалиях, границах и территории, неподвластной общественному контролю.

Вбирая в себя идеологическую атмосферу эпохи, ее архитектурные поиски, советский тип жилого помещения, по мнению В.З. Паперного, в рассматриваемый период времени прошел эволюцию от воплощения идеалов коллективного до индивидуального быта, водоразделом между которыми стала смена архитектурных приоритетов. Для периода 1917–1932 гг. они выражались в «*неустойчивости, устремленности в будущее, движении, ориентации на перемены, всеобщее равенство и коллективизм*». 1932–1954 гг. связывались со «*стабильностью, основательностью, неподвижностью, прочностью и иерархией*» [3]. Предложенная им дихотомия странничества и оседлости как типов освоения советским человеком жилого пространства позволяет понять, каким образом вызывающие негодование наших современников уплотнение и жизнь в коммуналках не снижали социального энтузиазма поколений строителей социализма, а сама жилищная политика первого в мире пролетарского государства лишь изредка воспринималась «наказанием».

От какого наследия предстояло отказаться новой власти и как она им распорядилась? О плачевном состоянии жилищного фонда дореволюционной России, представленном в своем подавляющем большинстве бревенчатыми избами и многоквартирными доходными домами, много и убедительно писалось русской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

классической литературой. Из нее же в основном черпались сведения об ужасающем антисанитарном состоянии наемного жилья, хотя и с оговорками на «взыскательный вкус» и возможности постояльцев. Своё подтверждение полученные таким образом сведения находили в воспоминаниях современников, а также многочисленных обследованиях фабрично-заводских инспекций. По статистике, средняя обеспеченность жилой площадью в городах России в 1913 г. составляла 4,5 кв. м., а городской жилой фонд страны насчитывал 180 млн. кв. м. Из них 80 % приходилось на одноэтажные деревянные и малоразмерные дома, подавляющее большинство которых было лишено элементарных удобств и принадлежало частным лицам [4]. Вместе с тем среди них попадались настоящие архитектурные шедевры и отвечавшие самым высоким требованиям дома. По свидетельствам респондентов, опрашиваемых в рамках реализации исследовательского проекта, немало такого комфортного жилья было и в Ростове-на-Дону: *«Значит, дом такой дворянский и вот лестница такая чугунная казалась мне большой. Сейчас она уже не такая большая, я была там, она красивая была очень, в розах вся. Это был парадный вход, а для прислуги был не железная лестница, как в обычных купеческих дворах парадная, но уже с деревянной лестницей и две комнаты, ведущие из этой парадной для прислуги комната, там кухарка, прачка, вот такое вот. А между основной квартирой была лестница, которая спускалась ниже. Между лестницей была большая ванная и только после этого ход туда в ту половину»* [5]. *«Мы меняли нашу московскую квартиру, девятиметровую такую комнатку в коммуналке, а поменяли на коммуналку здесь, но шикарную... Это известный памятник конструктивизма, его сейчас изуродовали»* [6].

Комплекс жилых кооперативов «Новый быт» в Ростове-на-Дону. Источник: <http://www.archnest.com/tokarev/blog/3708/>.

Сосуществование различных типов домов, владельцы которых принадлежали к разным социальным группам, было явлением распространенным. Так, в Петербурге *«до революции центр застраивался двумя типами домов – так называемыми лицевыми и дворовыми флигелями. “Барские” лицевые флигели, выходявшие на улицу, располагали всевозможными удобствами, нередко даже лифтами, парадным и черным ходом, избыточной высотой комнат и предназначались для солидных платежеспособных квартирантов – промышленников, банкиров, крупных чиновников, врачей, адвокатов. Дворовые флигели рассчитаны были на жильцов иного достатка – непритязательных мелких чиновников, ремесленников, пролетариев. Эти строения не только стояли “стена к стене”, но и внутри отличались теснотой и неудобством»*. При этом степень обеспеченности последних канализацией и водопроводом колебалась от 98 до 12 % [7]. Для строительства жилья использовался в основном *«местный, подручный материал»*: *«Строили дома, они были примитивные, что такое саманные дома, Вы знаете. Или планованный дом – это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома – это была редкость, это были только богачи, местные*

богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 году построил мой дед, в котором я и родилась» [8].

Начавшаяся в 1917 г. революция и последовавшая за нею национализация жилищного фонда поставила перед молодым советским государством практически невыполнимую задачу по обеспечению жильем всего трудящегося населения города. Единственным выходом из сложившейся ситуации, когда для строительства нового жилья не хватало не только средств, но и элементарных сил, виделся его передел. «Война дворцам», получившая свое официальное одобрение в подготовленном В.И. Лениным наброске постановления «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных», призвана была не только решить эту проблему, но и определить дальнейшие перспективы советской жилищной политики. Такой перспективой оказалась принципиальная невозможность для каждого человека иметь отдельную комнату как напоминание о несправедно нажитом богатстве. Согласно тому же ленинскому определению, богатой признавалась квартира, где количество комнат равнялось либо превышало «число душ населения, постоянно проживающих в этой квартире» [9]. Именно эти богатые квартиры и подлежали уплотнению, а также заселению новыми жильцами «из простых».

Перераспределение жилищного фонда, узаконенное декретами СНК РСФСР «О воспрещении сделок с недвижимостью» от 14 декабря 1917 г. и «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах» от 20 августа 1918 г., должно было, по мысли его инициаторов, существенно улучшить положение нуждающегося в жилье населения. Согласно данным статистики, это улучшение сказалось, прежде всего, на условиях проживания семейных рабочих, большинство из которых только в одном Петербурге уже к 1923 г. оказалось собственниками отдельных комнат, а изредка и целых квартир. Однако с существенным увеличением жилого пространства, исчезновением таких специфических форм его освоения, как «угловые жильцы» и «кочники», возникла не менее острая проблема, связанная с эффективностью его использования. А.И. Черных приводит показательные факты, когда получив, казалось бы, долгожданные дополнительные метры в бывших «барских хором», пролетарии не знали, как ими распорядиться: «Многие принудительно изъятые квартиры с огромными проходными комнатами требовали больших расходов на отопление и, естественно, остались незаселенными, а наличие в квартирах холодных необитаемых комнат снижало санитарное состояние домов в целом. К тому же места общего пользования – ванны, уборные, кухни подсобные помещения, не приспособленные для коллективной эксплуатации, – оказывались источником постоянной напряженности между жильцами». К тому же переселение в новые и благоустроенные квартиры, находившиеся по преимуществу в центральной части города, увеличивали расстояние от основных мест работы и соответственно расходную часть семейного бюджета. Именно по этой причине многие рабочие не спешили воспользоваться предоставленным правом улучшения жилья [10]. И, наконец, даже смирившись с неудобствами непривычно просторной и функционально мало пригодной планировки, они все равно оказывались в стесненных обстоятельствах: занимаемая площадь бывших особняков в разы превышала официально положенные метры жилья, что требовало его уплотнения.

Уплотнение представляло собою «увеличение населения данной жилой площади или лишение жильцов части жилой площади» и подразделялось на принудительное и добровольное. Принудительное уплотнение производилось без согласия уплотняемых, в то время как самоуплотнение предоставляло жильцам право в течение двух недель подыскать себе соседей. В случае его не реализации вопрос о судьбе излишней жилплощади решался домовыми управлениями [11]. Механизм процедуры уплотнения хорошо описан М.А. Булгаковым в «Собачем сердце»: «Мы – управление дома, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома. – Кто на ком стоял? – крикнул Филипп Филиппович. – Потрудитесь излагать ваши мысли яснее. – Вопрос стоял об уплотнении... – Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением от двенадцатого сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений? – Известно, – ответил Швондер, – но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах. – Я один живу и работаю в семи комнатах, – ответил

Филипп Филиппович, – и желал бы иметь восьмью. Она мне необходима под библиотеку. Четверо онемели. – Восьмью? Э-хе-хе, – проговорил блондин, лишенный головного убора, – однако это здо-о-рово! – Это неопишимо! – воскликнул юноша, оказавшийся женщиной. – У меня приемная, заметьте, она же библиотека, столовая, мой кабинет – три! Смотровая – четыре. Операционная – пять. Моя спальня – шесть, и комната прислуги – семь. В общем, не хватает... Да, впрочем, это не важно. Моя квартира свободна, и разговору конец. Могу я идти обедать? – Извиняюсь, – сказал четвертый, похожий на крепкого жука. – Извиняюсь, – перебил его Швондер, – вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли говорить. Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых ни у кого нет в Москве» [12].

Еще от одного булгаковского персонажа современный читатель узнает и о санитарно-гигиенической норме, приходившейся на одного человека той поры, о заветных 16-ти аршинах, на которых «сидел и будет сидеть» Шариков. Следует отметить, что 8,09 кв. м., о которых идет речь, не были постоянной величиной и менялись в зависимости от остроты жилищного кризиса. В 1919 г. усилиями Наркомата здравоохранения была научно определена официальная норма заселения. Она определялась минимальной величиной кубатуры воздуха в 30 куб. м., необходимой человеку для нормального самочувствия после ночного сна, и составляла 8,25 кв. м. По данным, приводимым М.Г. Мееровичем, с 1920 по 1926 гг. только в одной Москве, где жилищная теснота проявлялась особенно остро, эта норма варьировалась от 9,3 кв. м. до 5,3 кв. м. Для провинциальных городов она была несколько выше и в 1926 г. составляла 6,3 кв. м. [13]. Обретение собственного «заветного угла», который и стал реальным итогом проводимых преобразований, не только не улучшил жилищных условий тех, ради которых все это зачиналось, но и породил феномен советской коммуналки – «квартиры, находящейся в государственной собственности, заселяемой государственными органами в соответствии с нормативами жилой площади, положенной на одного человека, независимо от семейного статуса жильцов и конфигурации квартиры» [14].

Именно в такую типичную коммуналку попадает героиня романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» Евгения Григорьевна Шапошникова: «Жила Женни Генриховна в полутемной комнатке, когда-то отведенной для прислуги в большой купеческой квартире. Теперь в каждой комнате жила семья, и каждая комната делилась с помощью ширмочек, занавесок, ковров, диванных спинок на уголки и закуты, где спали, обедали, принимали гостей, где медицинская сестра делала уколы парализованному старику» [15]. Образованию новых коммуналок и уплотнению уже существующих способствовало уменьшение нормы санитарной площади на человека. Годы первой пятилетки ознаменовались резким ростом миграции в города, население которых только с 1925 г. по 1930 г. увеличилось на 35 %. С 1931 г. значительно увеличивается процент населения, живущего на «голодной норме» – до 4 кв. м.

В свою очередь, вселение в «роскошные барские апартаменты» привело к завышенным ожиданиям у населения, которые не могли реализоваться в условиях массовой советской застройки, и породило мечты об отдельном и относительно комфортном жилье с удобствами. Оценивая довоенный уровень жизни, респонденты вспоминали: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а напротив был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас, ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего» [16].

Несколько иначе происходило благоустройство советской деревни, изначально не испытывавшей столь острой жилищной нужды. Традиционно практически каждая крестьянская семья владела отдельным домом, где совместно проживали представители нескольких поколений и где у каждого из них существовала реальная перспектива отселения, а следовательно, обретения собственного жилья. В условиях пореволюционной России крестьянство в целом сумело сохранить это положение. Однако реального его улучшения не происходило. Дж. Пэллот, исследовавшая процесс развертывания сельского жилищного строительства в 1930–1980 гг., пришла к выводу о его зависимости от степени успешности развития сельскохозяйственного сектора и веса в контексте общеэкономического планирования. По ее наблюдениям, за шестьдесят лет, последовавших за коллективизацией, советское руководство нередко предавало забвению

сельскохозяйственный сектор, что привело к плачевному состоянию деревни, низкому уровню благоустройства и внушительному разрыву в уровне жизни между городом и деревней. Оказавшись причинами резкого оттока населения (только в 1927–1938 гг. он составил 24,5 млн. чел.), они обозначили главную проблему на селе рассматриваемого и последующего времени – удержание рабочих рук. Одним из возможных путей ее решения стало строительство многоквартирных домов, рассматривавшихся важнейшим показателем социалистической реконструкции деревни и подчеркивавших ее близость к городу [17].

С уплотнением, да и то временным, деревня столкнется лишь дважды. В 1930-е гг., когда на помощь коллективизировавшемуся сельскому хозяйству будут брошены рабочие крупных промышленных предприятий, получивших название двадцатипятидесятников. В период Великой Отечественной войны, когда в нее устремится поток эвакуированного населения и она станет основным местом расквартирования воинских соединений Красной Армии и вермахта. О жилищных условиях (типах жилья, особенностях строения и планирования жилого пространства) советского крестьянства того времени много писалось этнографами, изучавшими сохранность и трансформацию народной культуры. К сожалению, работ, рассматривавших эволюцию жилья коллективизированной и раскулаченной деревни в контексте социальной истории, пока еще не создано. Тем не менее из исследований повседневной жизни крестьянства известно, что к концу 1920-х гг. *«некоторые основные приметы быта <...> претерпели разительную трансформацию от традиции к современности»*. Наряду с сохранявшимися лаптями и домотканой одеждой в сельский быт входили такие приметы городской жизни, как развод и использование губной помады, членство в комсомоле и атеизм [18]. Повышение трудовой, общественной и социальной активности крестьянства не могло не сказаться и на раскрепощении сельских нравов, неизбежно влекущих за собою изменение роли женщины как хранительницы домашнего очага. Неслучайно в ряде воспоминаний красноармейцев отмечалась неприглядность постоянных квартир: *«Сейчас как будто на месте. У хозяйки, имеющей детей 6, одна комната, грязь, вонь, есть нечего» (22 ноября 1941 г.) [19]. «Оказались в станице Николаевской. Втроем у хозяйки-казачки (я, Толик, Тимка). Одна маленькая комнатка, земляной пол, две семьи – теснота – всего вместе с нами 5 взрослых, 6 малышей, с гигиеной так же, как и на х. Калинине» (6 апреля 1942 г.) [20]*.

В гораздо более стесненных и болезненнее переживаемых условиях оказалось непролетарское население города. Особенно сильны были переживания по этому поводу у людей «интеллигентных занятий», которые требовали более свободной домашней обстановки и отдельной комнаты. О потребности к уединению и упорядоченному образу жизни в лице профессора Преображенского, не понимавшего, отчего необходимо оперировать в столовой, а обедать в гостиной, когда на то есть соответствующие помещения, писал М.А. Булгаков. Созданные им колоритные образы стремящегося к стабильности и иерархии жилого пространства профессора от медицины Преображенского¹ и ратовавшего за коллективное общежитие председателя домового комитета Швондера отражали основные представления населения о жилье как о типе организации жизни человека в новой России. Реализации этих представлений как раз и были посвящены архитектурные поиски идеального типа жилья рассматриваемого времени.

«Дворцы из сливовых косточек». Так Ш. Фицпатрик назвала социальные утопии, ставшие для советского человека того времени привычной нормой жизни. Масштабность грандиозных проектов и безусловная вера в возможность их осуществления отодвигали на задний план решение насущных, в том числе и жилищных вопросов. Вместе с тем их практическое разрешение несло на себе отпечаток времени с его бурными дискуссиями о том, каким быть советскому человеку и где ему следует жить. Национализация жилья с последовавшей за нею отменой квартирной платы и хронической нехваткой средств к его поддержанию привели к тому, что только за 1920 г. в Москве обветшало и пришло в полную негодность 11,5 тыс. зданий, в том числе 6,8 тыс. жилых домов с более чем 40 тыс. квартир [21]. В годы НЭПа с «передачей домов коллективным жильцам» стали появляться

¹ Нельзя сказать, что такого рода потребности советской властью игнорировались полностью. До середины 1920-х гг., времени начала индустриализации, повлекшей за собою перемещение в города огромного количества людей, среднедушевая норма обеспеченности жильем у служащих составляла 6,9 кв. м., у рабочих она была меньше и достигала 4,9 кв. м. Правда, уже к концу 1920-х гг. эти различия стерлись и к 1940 г. приблизились к своему дореволюционному уровню.

жилищно-строительные кооперативы, выгодно отличавшиеся как по внешнему виду, так и пространственной планировке от государственного жилья. Однако победа идеи коллективного быта в конце 1920-х гг. привела к тому, что «на смену социальному расслоению по районам и жилым домам пришло смешение» [22], а вместе с ним и осознание необходимости реорганизации самого типа жилья. Им стали дома-коммуны, которые, с одной стороны, отвечали представлениям власти о новых принципах устройства быта советского человека, с другой – высвобождали его от рутинной обывательщины посредством сведения «к минимуму домашнего хозяйства». Характерными чертами домов-коммун становятся «выделение из квартиры функций питания, воспитания детей и стирки и требование “Каждый должен жить на началах строжайшей регламентации и подчинения правилам внутреннего распорядка”» [23]. Объявленные конкурсы архитектурских проектов на лучшие «жилые комплексы будущего» показали практическую невозможность реализации многих из них. Как отмечает М. Близнакова, «большинство победивших проектов были слишком фантастическими для имевшегося экономического уровня. И даже если такие проекты осуществлялись, то очень скоро общественный характер рекреационных зон сводился на “нет” тем, что жильцы не стремились обобществлять свою частную жизнь, и семейные ценности возобладали над общественными устройством – готовка еды, стирка белья и т.д. – переносились в пределы частных “отсеков” из общественных кухонь и прачечных» [24].

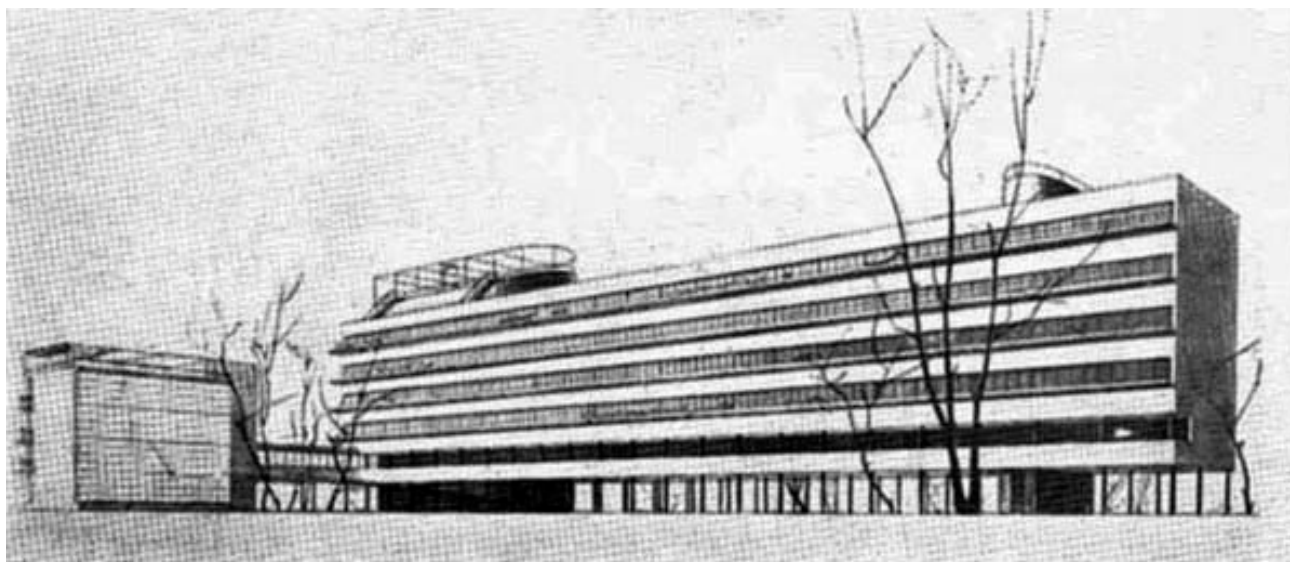
Весьма показательной в этом отношении оказалась судьба московского дома Гинзбурга¹, более известного как дом Наркомфина, расположенного на Новинском бульваре. Этот дом был назван опытным домом переходного типа. Под его строительство в апреле 1929 г. отводилась территория двух городских усадеб с обширными садами. Дом-коммуна воплощал собою идею комфортабельного жилья нового типа и должен был включать в себя 4 корпуса: жилой корпус, коммунальный центр, состоявший из столовой, физкультурного зала и читальни, детский корпус – ясли и детский сад, служебный корпус – прачечную и сушильную. Жилой корпус представлял собой шестиэтажное здание длиной 85 м и высотой 17 м. Корпус общественного обслуживания представлял собой замкнутый четырехэтажный, почти кубический объем. Он был поставлен под углом к жилому корпусу и связан с ним переходом на уровне второго этажа. На квадратной площадке перед общественным корпусом планировалось разместить небольшое здание детского сада. В июне 1929 г. М.Я. Гинзбургу было предложено сократить территорию застройки и отказано в возведении прачечной и клуба как самостоятельных зданий.

Дом был задуман как «коммунальный» на 50 семей – 200 чел. и включал в себя три типа квартир: двухъярусные трехкомнатные квартиры площадью 57–60 кв. м. для семей, двухъярусные малометражные квартиры – 30 кв. м. для одного–двух человек и сдвоенные двухъярусные малометражные квартиры. На втором и третьем этажах располагались восемь трехкомнатных квартир для больших семей, в которые можно было попасть с нижнего коридора. В них имелись маленькая кухня, позволявшая при желании индивидуально готовить пищу, а также две спальни. В нижнем ярусе размещались передняя, кухня и общая жилая комната двойной высоты. Высота общей комнаты составляла 5 м, площадь – 25 кв. м. Передняя вела в общую комнату, внутренняя лестница из передней – на второй ярус, на котором находились две спальни со встроенными шкафами, ванная и туалет. Высота второго яруса составляла 2,3 м. Вдоль верхнего коридора 4 и 6 этажей располагались 48 малометражных квартир, рассчитанных на одного–двух чел. Кухонь в них не предусматривалось.

С целью максимального удешевления проектировки и строительства квартир М.Я. Гинзбург заменил кухню нишей площадью 1,4 кв. м. Жильцы должны были осуществлять переход на уровне второго этажа в так называемый «коммунальный корпус», объединявший кухню со столовой, спортзал, детский сад и даже механическую прачечную с ремонтными мастерскими. Ваннх комнат не было, их заменили душевые кабинки. Для тех, кто не мог по каким-то причинам питаться в столовой, в жилом корпусе были оборудованы две резервные кухни для разогрева еды. Квартиры представляли собою двухъярусные сооружения. На одном ярусе были расположены жилые помещения, на другом – вспомогательные. Высота комнат различалась между собою. Одна комната имела высоту

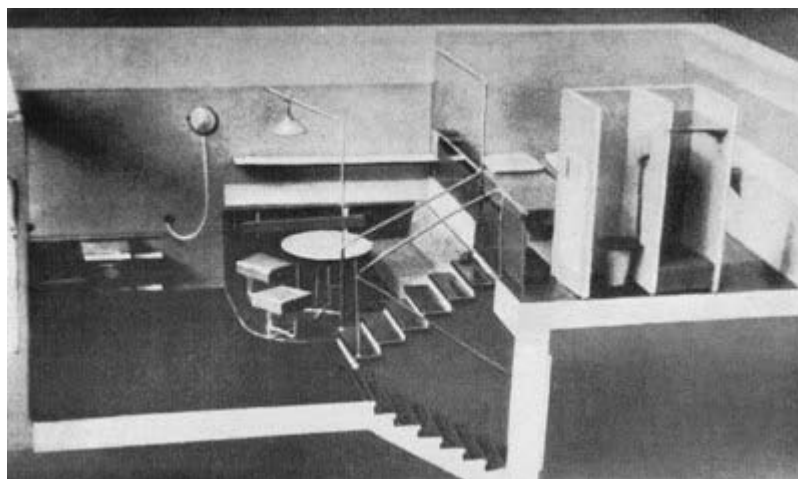
¹ Моисей Яковлевич Гинзбург (1892–1946) – архитектор, автор теоретических работ по конструктивизму, проектировщик и строитель первых домов-коммун.

3,6 м, другая – 2,3 м и представляла собой спальную нишу. За счет уменьшения высоты вспомогательных помещений увеличивалась высота жилых комнат. В результате квартиры выглядели следующим образом: с одной стороны – высокая жилая часть комнаты, с другой – пониженный потолок спальной ниши. Нижние квартиры имели общий уровень пола в спальной и жилых частях, в верхних квартирах пол спальной части был приподнят на шесть ступеней. Разница высот между двумя спальными нишами позволяла организовать коридор, идущий вдоль всего дома. По нему жильцы попадали в свои квартиры, спускаясь или поднимаясь по внутренней лестнице. В торцах дома по обе стороны лестничных клеток располагались квартиры из сдвоенных малометражных квартир. Они состояли из двух жилых комнат высотой 3 м. Передняя, ванная и кухня имели высоту 2,3 м. Среди жильцов этот тип квартиры пользовался наибольшим спросом.

*Дом-коммуна Наркомфина, М. Я. Гинзбург, И. Ф. Милинис, инж. С.П. Прохоров.
(Жилой дом на Новинском бульваре). 1928—1930 (Новинский бульвар, 25)*

Источник: senart-artdeco.livejournal.com.

Эль Лисицын. Макет оборудования комнаты в доме Гинзбурга. Источник: http://vk.com/wall-35683765_12993.

В самой верхней части дома, на уровне плоской крыши, было сделано несколько комнат-общежитий. Часть из них на одного человека, часть – на двух. Между каждой парой комнат располагались душевая и умывальная комнаты. Ориентация квартир на две стороны – восток и запад – обеспечивала солнечное освещение в остальной части утром, а в жилой части – во второй половине дня. В доме-коммуне нашлось место и для элитного жилья. Для заказчика дома архитектор спроектировал жилье повышенной комфортности. На крыше дома расположились 2 пентхауса, в которых поселились наркомы финансов и здравоохранения. В связи с нехваткой средств дом был построен из недорогих и

недолговечных материалов, что привело к его быстрому разрушению. Не прижилась и идея питания до и после работы в столовой. М.Я. Гинзбург с нескрываемой горечью был вынужден констатировать, что подавляющее число жителей разбирает обеды себе по квартирам и столовая фактически не работает [25]. Вторую очередь коммунального корпуса так и не удалось достроить. В послевоенное время жильцов дома «уплотнили» – «ячейки» превратились в коммуналки со всеми вытекающими обстоятельствами.

От функциональности к повышению качества. Осенью 1933 г. в Москве состоялось Творческое совещание Союза советских архитекторов, где суровой критике были подвергнуты функционализм и утилитарность строящегося жилья. Провозглашенный отказ от конструктивизма и переход к статичной классике совпал с новыми строительными правилами для столичного жилья, в которых главный упор делался на повышение его качества. В квартирах предполагалось увеличить как жилую, так и подсобную площадь, потолки должны были достигать 3,2 м, а ванны становились обязательным «элементом социалистического быта». При этом новое жилье было негласно поделено на квартиры для номенклатуры и для рядовых граждан – с расчетом на коммунальное заселение. Квартиры для партийной элиты и государственных деятелей планировались с обязательными лифтами, высокими потолками, широкими подоконниками, отдельными санузлами, большими холлами, многочисленными подсобными помещениями, мусоропроводами на кухне, просторными лестничными клетками. Их планировка включала в себя не только гостиные, спальни, но и кабинеты, детские, библиотеки и даже помещения для прислуги. Площадь комнат составляла от 15 до 30 кв. м. «Рядовое» жилье, как правило, было представлено двумя разновидностями: трех- и четырехкомнатными квартирами с небольшими кухнями и квартирами коридорного типа – общежитиями [26].

В новой государственной жилищной политике основное место заняли так называемые «сталинки» – дома, строившиеся в Советском Союзе в 1930–1950 гг. в стиле неоклассицизма. При их строительстве использовался влагоемкий силикатный кирпич низко технологичного обжига, что требовало трудоемкой штукатурки фасада домов. По причине острого дефицита электроэнергии они сдавались без центрального отопления, которое заменялось печным. Именно опасность отравления угарным газом требовала строительства высоких потолков и объемного помещения. Дома заселялись преимущественно на коммунальной основе, что ухудшало и без того сложную предвоенную демографическую ситуацию. Первоначальная идея о том, что ни одно здание не будет повторяться, должна было осуществить давнюю советскую мечту о жизни трудового человека во дворце. Сохранившиеся с той поры типовые крупноблочные дома с лепными украшениями и витыми чугунными решетками должны были стать визитными карточками советских городов. По мнению, бытующему в литературе, «возможно, именно такими стильными и нарядными были бы все массовые советские сери, но эти планы были перечеркнуты войной» [27].

Примечания:

1. Орлов И. Жилищная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие. URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/ZhiliePolicy.htm> (дата обращения: 11.02.2013); Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 71–78; Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда – Ленинграда, 1917–1991 гг.). Автореф. ... канд. соц. н. СПб., 2000; Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008; Коняхин Г.В. Государственная жилищная политика в СССР и постсоветской России: политологический анализ. Автореф. ... д-ра политол. н. М., 2011.

2. Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008. URL: http://www.elitarium.ru/2006/08/08/uslovija_postuplenija_na_obuchenie.html (дата обращения: 13.02.2013).

3. Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (Дата обращения: 12.02.2013).

4. Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html> (дата обращения: 13.02.2013).

5. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

6. Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 95 минут Запись 19 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
7. Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 72.
8. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
9. Ленин В.И. О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 380.
10. Черных А.И. Указ. соч. С. 71.
11. Меерович М.Г. Указ. соч. 19.
12. URL: http://www.m-a-bulgakov.ru/dog_heart_17.html (Дата обращения: 23.01.2012).
13. Меерович М.Г. Указ. соч. С. 17.
14. Коммунальная квартира. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения: 13.02. 2013).
15. Коммунальная квартира. Визуальный музей советского быта. URL: <http://www.kommunalka.spb.ru> (дата обращения: 25.02.2013).
16. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
17. Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (Дата обращения: 12.02.2013).
18. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 241.
19. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
20. Там же. Л. 4об.–5.
21. Этапы развития жилищных отношений в России и городе Москве в XX веке. URL: http://www.up.mos.ru/cdz/kerzonu/kniga08_4.htm (Дата обращения: 13.02.2012).
22. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principle (Дата обращения: 13.02. 2013).
23. Там же.
24. Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (Дата обращения: 12.02.2013).
25. URL: <http://www.openmoscow.ru/dostdomnarkomfina.php> (Дата обращения: 26.02.2013).
26. Сталинка. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения: 26.02.2013).
27. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principle (Дата обращения: 13.02.2013).

Транслитерация:

1. Orlov I. Zhilishchnaya politika sovsotskoi vlasti v pervoe poslerevoljucionnoe desyatiletie. URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/ZhiliePolicy.htm> (data obrashcheniya: 11.02.2013); Chernykh A.I. Zhilishchnyi peredel. Politika 20-kh godov v sfere zhil'ya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 10. S. 71–78; Gerasimova E.Yu. Sovetskaya kommunal'naya kvartira: istoriko-sotsiologicheskii analiz (na materialakh Petrograda – Leningrada, 1917–1991 gg.). Avtoref. ... kand. sots. n. SPb., 2000; Orlov I.B. Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya. M., 2008; Konyakhin G.V. Gosudarstvennaya zhilishchnaya politika v SSSR i postsovsotskoi Rossii: politologicheskii analiz. Avtoref. ... d-ra politol. n. M., 2011.
2. Meerovich M. Nakazanie zhilishchem. Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937. M., 2008. URL: http://www.elitarium.ru/2006/08/08/uslovija_postuplenija_na_obuchenie.html (data obrashcheniya: 13.02.2013).
3. Ul'yanova G. Retenziya na knigu «Zhilishche v Rossii: vek KhKh. Arkhitektura i sotsial'naya istoriya». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (Data obrashcheniya: 12.02.2013).
4. Grudnitsyna L.Yu. Zhilishchnaya politika v Rossii. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html> (data obrashcheniya: 13.02. 2013).
5. Respondent: Rozenblit Evelina Evgen'evna, 1933 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 107 minut. Zapis' 18 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
6. Respondent: Kalabukhova Inna Nikolaevna, 1933 g.r. Interv'yuer: E.F. Krinko. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 95 minut Zapis' 19 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv

laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.

7. Chernykh A.I. Ukaz. soch. S. 72.

8. Respondent: Semina Viktoriya Nikolaevna, 1930 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 105 minut Zapis' 25 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.

9. Lenin V.I. O rekvizii kvartir bogatykh dlya oblegcheniya nuzhd bednykh // Poln. sobr. soch. T. 54. S. 380.

10. Chernykh A.I. Ukaz. soch. S. 71.

11. Meerovich M.G. Ukaz. soch. 19.

12. URL: http://www.m-a-bulgakov.ru/dog_heart_17.html (Data obrashcheniya: 23.01.2012).

13. Meerovich M.G. Ukaz. soch. S. 17.

14. Kommunal'naya kvartira. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (Data obrashcheniya: 13.02. 2013).

15. Kommunal'naya kvartira. Vizual'nyi muzei sovetskogo byta. URL: <http://www.kommunalka.spb.ru> (data obrashcheniya: 25.02.2013).

16. Respondent: Semina Viktoriya Nikolaevna, 1930 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 105 minut Zapis' 25 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.

17. Ul'yanova G. Retsenziya na knigu «Zhilishche v Rossii: vek KhKh. Arkhitektura i sotsial'naya istoriya». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (Data obrashcheniya: 12.02.2013).

18. Fitspatrik Sh. Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya. M., 2001. S. 241.

19. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv Respubliki Adygeya». F. R-855. Op. 1. D. 52. L. 3.

20. Tam zhe. L. 4ob.–5.

21. Etapy razvitiya zhilishchnykh otnoshenii v Rossii i gorode Moskve v XX veke. URL: http://www.up.mos.ru/cdz/kerzonu/kniga08_4.htm (Data obrashcheniya: 13.02.2012).

22. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principle (Data obrashcheniya: 13.02. 2013).

23. Tam zhe.

24. Ul'yanova G. Retsenziya na knigu «Zhilishche v Rossii: vek KhKh. Arkhitektura i sotsial'naya istoriya». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (Data obrashcheniya: 12.02.2013).

25. URL: <http://www.openmoscow.ru/dostdomnarkomfina.php> (Data obrashcheniya: 26.02.2013).

26. Stalinka. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (Data obrashcheniya: 26.02.2013).

27. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principle (Data obrashcheniya: 13.02.2013).

УДК 94(47).084.3/6

Living Space and Its Arrangement in Soviet Russia in 1920–1940s (First article)

Tatyana P. Khlynina

Institute of Social-Economic and Humanitarian Researches of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

41, Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article deals with the housing policy of the Soviet State in 1920–1940s, analyses the authorities strategies for housing problem solution, studies the programs of housing construction and its forms, architectural features of Soviet typical development. Special attention is attached to the living space design. The author concludes that the housing policy and authorities' concept of a new life of a new man are closely related.

Keywords: housing policy; living space; housing redistribution; uplotnenje; architectural designs; huts; communal apartment; commune house; flat in a Stalin building.